

мых в курсе морфологии и/или необходимых для освоения этой дисциплины. Возможно, было бы полезно более явно связать рубрикацию практических заданий со списком компетенций в п. 1. III, например, в виде использования списка умений в качестве рубрик классификации практических заданий, возможно, даже с сохранением нумерации. Это позволило бы прямо соотносить умения выполнять задания и компетенции.

Большое внимание в практикуме уделено «проблемным» заданиям, требующим самостоятельного решения сложной, хотя и частной теоретической проблемы морфологии (с. 95 – 97).

В заключение хочу отметить, что методическая концепция, предложенная в рецензируемом учебном пособии, еще не доведена до состояния технологии, в ней не определены связи многих процессов друг с другом и функциональные роли участников. Но подход, предложенный автором, интересен и сулит большие перспективы в развитии преподавания не только морфологии, но и других учебных дисциплин.

И.Е. Ким

Душечкина Е.В. Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007. 227 с.

Работа, о которой пойдет речь, кажется мне огромным событием в ономастике. Она выводит ономастику из лингвистической плоскости в пространство национальной культуры в самом широком и одновременно детализированном её толковании. Это покажется не таким удивительным, если знать, что автор книги – профессор Петербургского университета, доктор филологических наук Елена Владимировна Душечкина – много лет работала на одной кафедре с Юрием Михайловичем Лотманом и была под его сильным влиянием. Лотмановская школа исследования культуры как образования, пронизывающего все поры социального бытия – от самых высоких интеллектуальных проявлений до простейших

бытовых привычек и поведенческих реакций, воплощается в трудах Е.В. Душечкиной самым блистательным и подкупающим образом. Я говорю о работах, имея в виду её книги «Русский святочный рассказ: Становление жанра» (1995) и «Русская ёлка: История, мифология, литература» (2002).

Исследовательские сюжеты Елены Владимировны вырастают один из другого, как кораллы, образуя замечательные построения, распространяющиеся из истории литературы в область, которую можно назвать семиотикой повседневности. Из штудий над святочной словесностью вырос, в частности, интерес к имени её самой известной героини – Светланы Жуковского. И исследование такого микроскопического факта культуры, как одно женское

имя, вылилось в итоге в замечательную историю, как обозначено в названии книги. Это действительно история, захватывающая и драматичная.

Поражает при чтении то, как эта история складывается из невероятно большого числа крупинок информации, которые автор отыскивает в невероятном же море текстов – от баллады Жуковского и предшествовавших ей текстов до современных телефонных книг и рекламных роликов. Стоит особо подчеркнуть, что её источники книги – не только публикации, но и свидетельства немислимого числа людей, едва ли не каждому из которых автор выражает признательность в примечаниях. Просто представляешь, как эта книга рождалась и в библиотеках за чтением самой разнообразной литературы, прессы, и в бесконечных расспросах и обсуждениях. Удивительно, как автор не тонет (и не топит читателя!) в массе сведений, а ведет от эпизода к эпизоду этой, как я уже сказала, увлекательной истории.

Она укладывается в три главы, в каждой из которых – несколько разделов, в название которых вынесены, как правило, цитаты из текстов о Светланах, так что уже оглавление дает возможность прикоснуться к «светлановскому» дискурсу: «Душа задумчивой Светланы», «Мы Светланой тебя назовем...», «Ее всегда почему-то звали Светкой»... А погружение в него дает возможность представить траекторию движения этого имени в русской культуре, изменения его культурной репутации.

Мне бы не хотелось пересказывать эту замечательную историю и лишать читателя удовольствия пережить её самому. Скажу только, что за почти двести лет имя прошло удивительный и непредсказуемый путь, каждую «извилину» которого автор сопровождает не только массивом свидетельств, доказательств, но и интереснейшими собственными объяснениями всех этих перипетий. Автору удастся показать, каким сложным образом связаны бытование литературных жанров, эстетические вкусы эпохи и практика имяназвания; как литература и искусство отражают антропонимическую ситуацию и формируют её.

Как заинтересованный читатель я узнала массу интересного об имени, которое до этого, признаюсь, не казалось мне таинственным и многообещающим. Соединение в одной истории таких имен, как Востоков, Жуковский, Козлов, Сталин, Гайдар, Светлана Хоркина... – согласитесь, уже это позволяет посмотреть на наш ономастикон в каком-то новом, неожиданном ракурсе. Как филолог — испытала настоящее наслаждение от соучастия в необычном, но так располагающем исследовании, которое нельзя определить в бытующих координатах филологических работ. Литературная ономастика переходит к принципам формирования русского имени, от этого с неизбежностью – к практике называния детей в разные эпохи и антропонимическому взрыву 1920 – 1930 годов; анализ поэтических текстов XIX в. сменяется рассуждениями о фактах из театральной жизни, в том числе балетного репертуара; иллюстрации к литературным произведениям оказываются «сообщниками» формирования образа Светланы, а повести из школьной жизни послевоенной эпохи контрастируют с анализом шлягеров и даже шансона. Литературоведы, как мы знаем, гордятся тем, то их объект просеивается сквозь сито эстетических критериев. И в этом смысле Елена Владимировна – не литературовед, а пристрастнейший исследователь словесности во всех –

даже самых мелких и самых низких – её жанрах. Потому что какая-нибудь похабная частушка или анекдот – тоже свидетельства отношения к имени, его той самой культурной репутации. Потому что имя парохода или парикмахерской – это тоже сигнал социальной оценки имени и тех представлений, что стоят за ним в общественном сознании этой эпохи. Даже получившую в последнее время «параономастику», как я её называю, – сведения о том, какими бывают люди с теми или иными именами – Е.В. Душечкина принимает во внимание и бесстрастно рассматривает как знаки восприятия имени современниками. У меня все эти заключения типа «Елены ревнивы, Анны терпеливы» вызывают раздражение, и когда студенты приправляют ими свои ономастические работы, – просто гневаюсь. Но Елена Владимировна убеждает меня, что за этим действительно стоят пусть иллюзорные, но все-таки представления.

Как человек, не чуждый интереса к ономастике, скажу, что книга – идеальное ономастическое исследование, показывающее сложность отношений ономастикона с другими фрагментами культурного пространства и в то же время непростые отношения внутри ономастикона: антропомикона «человеческого» и литературного с учетом различия жанров, городского и корабельного...

Одним словом, книга Е.В. Душечкиной – не только квалифицированное антропонимическое расследование, но и замечательная лаборатория филологической работы, где широта охватываемого материала (который не дан автору в готовом виде, а сложился в результате неустанного следопытского их поиска, если не сказать охоты) сочетается с прицельным и тонким анализом разномасштабных фактов, позволяющим увидеть картину, которая не открывалась никому.

Особое впечатление оставляет финальная часть книги, где автор не только, как водится, формулирует основные итоги своей работы, но и строит прогноз дальнейшей судьбы рассмотренного имени, указывая на знаки (никому не заметные, можно смело сказать) перемен. Это говорит о том, что в задачи филологического исследования входит не только показать, что было, что есть, почему, но и что будет. Мне, честно говоря, хочется, чтобы прогноз Елены Владимировны сбился. Я ему верю. Мне кажется, что финал книги – это высший пилотаж.

В духе рецензируемой книги завершить рецензию следует сердечной благодарностью Елене Владимировне за то, что в филологической библиотеке появилась столь совершенная и по-настоящему интересная работа.

Т.В. Шмелева